

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора «Исторіи отечественной войны». Тома V и VI. Спб. 1871.

(Статья девятая и послѣдняя.)

XV.

«Послѣдніе годы царствованія императора Александра I — еще никогда не были предметомъ безпристрастнаго, благонамѣреннаго изслѣдованія. Причины тому очевидны: источники свѣдѣній, которые могли служить къ тому, сохранились подъ спудомъ, да и самая исторія новѣйшаго времени приняла у насъ форму неосновательныхъ обвиненій, либо панегириковъ, которымъ вѣрили только ихъ составители. Это подавало иностранцамъ возможность сдѣлаться глашатаями новѣйшей русской исторіи, и легко представить себѣ, какъ они искажали ее при совершенномъ незнаніи нашего быта. Вмѣсто того, чтобы представить картину, либо, по крайней мѣрѣ, очеркъ событій, происходившихъ предъ ихъ глазами, они собирали слухи, сплетни, и, приправя ихъ собственными намеками и измышленіями, угощали своимъ рукодѣліемъ всю Европу. Въ ихъ сочиненіяхъ находимъ источникъ неточныхъ и даже прѣвратныхъ понятій о такъ называемомъ періодѣ реакціи послѣднихъ годовъ императора Александра. Оттуда же вышли возгласы противъ Священнаго Союза, преувеличенное понятіе о вліяніи на Александра поученій госпожи Крюденеръ и т. д.» (V, 446—447).

Т. ЕХХХІ. Отд. II.

6

Такиими словами начинается историкъ главу, въ которой описываетъ положеніе дѣлъ въ Россіи въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Мы не знаемъ, какія именно новѣйшія русскія историческія сочиненія о царствованіи императора Александра I разумѣетъ авторъ въ числѣ тѣхъ, которыя отличаются или «неосновательными обвиненіями», или «панегриками». Въ послѣднее время у насъ появлялись лишь журнальныя статьи, посвященныя нѣкоторымъ эпизодамъ царствованія Александра I и старавшіяся, путемъ исторической критики, освѣтить неразъясненныя явленія этой эпохи новѣйшей русской исторіи. Если же въ сущности встрѣчались невѣрные взгляды, просвѣчивало неточное пониманіе нѣкоторыхъ вопросовъ, были даже превратныя толкованія, то именно потому, что «источники свѣдѣній, которые могли служить къ безпристрастному, благонамѣренному изслѣдованію, *сохранялись подъ спудомъ*». Не имѣя возможности пользоваться *своими* подлинными источниками, писавшіе о нѣкоторыхъ явленіяхъ царствованія Александра I, по-неволѣ должны были обращаться къ источникамъ *чуждымъ*, которые и вводили ихъ въ заблужденіе, а проверити такіе недостоверные источники нашими архивными документами, сохранявшимися подъ спудомъ, они не были въ состояніи. Нельзя осуждать огуломъ и иностранные источники: нѣкоторые изъ нихъ оказались на столько замѣчательными, что самъ авторъ руководствовался ими. Скажемъ болѣе: безъ тѣхъ данныхъ, которыя почерпнуты авторомъ изъ источниковъ иностранныхъ, многое въ исторіи царствованія императора Александра I осталось бы неразъясненнымъ. А что до памфлетовъ, появившихся за границу, основанныхъ на слухахъ, на сплетняхъ, на клеветѣ, или писанныхъ подъ вліяніемъ нехорошихъ побужденій, то о нихъ не стоить и говорить: подобными источниками ни одинъ уважающій себя историкъ пользоваться не будетъ.

Какія же данныя представляетъ авторъ для рѣшенія чрезвычайно важнаго вопроса о причинахъ, побудившихъ императора Александра I ступить на путь реакціи, отказаться отъ всѣхъ прежнихъ разумно-либеральныхъ стремленій?

Перемена въ характерѣ Александра обнаружилась послѣ вторичнаго возвращенія его изъ Париза. Императоръ сталъ все болѣе и болѣе чуждаться людей, не довѣрять имъ; прежняя ровность права уступила мѣсто гнѣвнымъ порывамъ; онъ сдѣлался несравненно болѣе выскательнымъ относительно военной дисциплины: такъ, между прочимъ, запрещено было офицерамъ носить гражданское платье и послѣдовало повелѣніе обращать строжайшее вниманіе на соблюденіе

установленной формы въ одеждѣ. Зная, какія злоупотребленія господствовали во всѣхъ частяхъ государственной администраціи, какъ бюрократія попирала ногами всѣ законы, Александръ, справедливо раздраженный всякаго рода неурядицами, не принималъ, однако, дѣйствительныхъ мѣръ къ искорененію зла, а ограничивался преданіемъ суду нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей и кончилось тѣмъ, что ввѣрилъ все внутреннее управленіе Аракчееву. Аракчеевъ сдѣлался не первымъ, а «единственнымъ» министромъ, и одинъ, помимо всѣхъ министровъ, имѣлъ къ государю доступъ съ докладами....

Слѣдовательно, дѣйствительную причину крутого переворота въ видахъ и дѣйствіяхъ императора Александра историки ищутъ въ «постепенномъ измѣненіи его характера», а самое это измѣненіе объясняютъ «образомъ жизни» (*внутренней жизни?*) и вліяніемъ внѣшнихъ событій. «Успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ, по собственному сознанію Александра, развило его религіозныя убѣжденія, но не могло не поселить въ немъ чуждую прежде его характеру самоувѣренность. Призванный свыше служить орудіемъ Всевышняго Промысла, онъ воздалъ хвалу «не себѣ, а Его Имени»; но нелегко ему было разстаться съ ролью главы европейскаго союза, распорядителя судьбами Европы, и возвратиться къ менѣ громкой дѣятельности преобразователя Россіи.... Послѣ всѣхъ лестныхъ изъявленій восторга и признательности, расточенныхъ ему народами западной Европы; послѣ всего, видѣннаго имъ въ странахъ, далеко опередившихъ насъ на поприщѣ цивилизаціи, Александръ долженъ былъ снова предпринять тяжкій для его сердца трудъ искорененія золъ, утвержденныхъ временемъ, признанныхъ обычаемъ (?). Чтобы совершить такой подвигъ, необходимы были надежные помощники; Александръ не находилъ ихъ: лучшіе люди вѣла Екатерины (историки указываютъ на Мердвинова, на Державина и даже—на Ростопчина!) не одобрили ни освобожденія крестьянъ, ни другихъ коронныхъ реформъ, а товарищи юности Александра (Кочубей, Голицынъ, Чарторыйскій) выказали на дѣлѣ свою несостоятельность. Сперанскій былъ живымъ укоромъ государю....» (V, 447—448).

Развивая далѣе причины, вліявшія на угнетенное состояніе духа императора, авторъ упоминаетъ о кончинѣ любимой сестры Александра, Екатерины Павловны, о «другихъ ударахъ, столь же чувствительныхъ его любящему сердцу», объ «уныломъ, меланхолическомъ характерѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны», немогшей «разсѣвать глубинахъ заботъ и думъ» государя, и о донесеніяхъ высшей

(тайной) позиціи, заключавшихъ въ себѣ непріятныя извѣстія о направленіи общественнаго мнѣнія.

Безъ сомнѣнія, всё тѣ обстоятельства, о которыхъ говорить историкъ, могли невыгодно отзываться на душевномъ настроеніи императора Александра; но, взятая отдѣльно отъ другихъ, болѣе глубокихъ, причинъ, они едва-ли были бы въ силахъ побудить государя отречься отъ реформъ, задуманныхъ при воцареніи и долженствовавшихъ дать новую жизнь Россіи, поставить ее на степень державы истинно-цивилизованной, сильной не однимъ войскомъ, но и внутренними элементами. Для рѣшенія вопроса: почему императоръ Александръ I пересталъ, послѣ торжества надъ Наполеономъ, быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ первые годы своего царствованія, надобно обратиться къ той главѣ перваго тома, гдѣ историкъ изображаетъ воспитаніе и образованіе имъ полученныя, среду его окружавшую, впечатлѣнія вынесенныя изъ этой среды, и—что особенно важно—прирожденные качества старшаго внука Екатерины. Александръ соединялъ въ себѣ такія прекрасныя, такія возвышенныя душевныя качества, какія рѣдко встрѣчаются въ человѣкѣ въ столь счастливомъ сочетаніи, и, рядомъ съ ними, имѣлъ свойства, которыя мѣшали ему примѣнять къ дѣлу то, что занимало его умъ, наполняло его душу. Въ теоретическомъ отношеніи, мысль о благихъ реформахъ пустила въ немъ глубокіе корни, а когда настало время воплотить мысль о пересозданіи государственнаго управленія Россіи, когда на пути встрѣтились затрудненія, препятствія необходимыя при всякой коренной реформѣ, когда консерваторы и ретрограды, близко стоявшіе къ престолу, стали страшать фантазмагорическими переворотами и потрясеніями, тогда у благодушнаго монарха не оказалось столько силы воли, столько твердости характера, чтобы, не внимая ничему, спокойно и неуклонно идти по пути однажды избранному. При такой обстановкѣ недалеко было до унынія, до разочарованія, до раздраженія, до недовѣрія, до подозрительности.... А отсюда былъ только одинъ шагъ до рѣшенія не идти впередъ.... Говорятъ, будто не было людей достойныхъ и способныхъ служить сотрудниками государя. Это мнѣніе касается, вѣроятно, тѣхъ, которые окружали монарха; но грустно было бы сознаться, что нигдѣ, въ цѣлой Россіи, не нашлось бы дѣятелей, понимавшихъ высокія предначертанія императора, готовыхъ посвятить свои знанія и способности задуманному имъ подвигу. «Ищите и обряцете». Въдѣ нашелся же Сперанскій....

Къ несчастію Россіи, отыскался Аракчеевъ.

Личность этого злой памяти временщика достаточно рельефно

очерчена, въ послѣднее время, въ нашей литературѣ. Авторъ «Исторіи царствованія императора Александра I» также собралъ довольно чертъ, характеризующихъ Аракчеева, но разсыпалъ ихъ въ равныхъ мѣстахъ своего обширнаго труда, что послужило въ ущербъ цѣлостности портрета того, кто такъ долго орудовалъ Россіей. Набросаемъ здѣсь нѣсколько дополнительныхъ красокъ къ этому непригожему, физически и морально, портрету, руководясь сказаніями современниковъ.

Извѣстно, что Аракчеевъ сталъ возвышаться еще при императорѣ Павлѣ. Тогда же началъ онъ и свирѣствовать, тогда же показалъ себя такимъ, какимъ оставался до конца своего могущества. Покойный графъ Толь, начавшій свою службу, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, подъ начальствомъ Аракчеева, назначеннаго въ апрѣлѣ 1797 года генераль-квартирмейстеромъ, передаетъ въ своихъ запискахъ, каково было имѣть подобнаго начальника. Въ то время, офицеры квартирмейстерскаго штаба были занимаемы почти исключительно жертвами духъ механическими работами, именно черченіемъ множества, большею частію бесполезныхъ, плановъ. Такія занятія были тѣмъ мучительнѣе, что Аракчеевъ требовалъ самой щепетильной точности въ ихъ исполненіи. Онъ началъ съ того, что удвоилъ число часовъ для занятій офицеровъ, и ежедневно, два или три раза, появлялся между ними неожиданно, чтобы, придравшись къ нустякамъ, обругать оскорбительными словами того или другаго офицера, или всѣхъ разомъ. Однажды, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, онъ далъ пощечину несчастному молодому человѣку, молотовожатому (юнкеру) Фитингофу. Въ другой разъ, не получивъ тетчасъ же погребованнаго плана, разругалъ неаковника Лена, который былъ старше его годами, имѣлъ честь исправлять должность обер-квартирмейстера при Суворовѣ и за блистательную храбрость получилъ георгіевскій крестъ. Все-это не удержало Аракчеева осыпать подковника площадною бранью. Ленъ молча выслушалъ оскорбленіе и остался въ залѣ до положеннаго часа; но вечеромъ, кончивъ служебныя обязанности, поспѣшилъ домой, взявъ съ собою пару заряженныхъ вистолетовъ и отправился къ Аракчееву. Въ своему несчастію, онъ не засталъ его дома, вернулся въ свою квартиру и, написавъ коротенькую записку обезчестившему его начальнику, застрѣлился....

На всякаго другаго начальника, хотя съ какими-нибудь задатками совѣсти, подобное кровавое происшествіе не осталось бы безъ вездѣштва; но Аракчеевъ былъ, что называется, жѣдный лобъ: въ

теперь, ни впоследствии такого рода потрясающія сцены не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ даже старался оправдывать свои свирѣпыя выходки, не стыдился публично говорить, что иначе нельзя поступать съ русскими, что такое обращеніе есть единственное средство держать ихъ въ рукахъ....

Толь, рассказывая объ этой эпохѣ своей жизни, называлъ положеііе офицеровъ вквартирмейстерскаго штаба «отчаяннымъ» (*).

Правила: ругать и даже бить своихъ подчиненныхъ Аракчеевъ не могъ, конечно, примѣнять къ людямъ, занимавшимъ высшія государственныя должности, но и въ обращеніи съ ними онъ оставался вѣренъ своей свирѣпой натурѣ. Сдѣлавшись временщикомъ и единственнымъ докладчикомъ императору по дѣламъ *ослѣз* вѣдомствъ, онъ заставлялъ пріѣзжать къ себѣ министровъ и другихъ сановниковъ съ четырехъ часовъ ночи, и если дожурный адъютантъ, докладывая ему о пріѣздѣ кого-либо изъ нихъ, не получалъ отвѣта, это значило: подождать. Случалось нерѣдко, что Аракчеевъ не отвѣчалъ и на вторичный докладъ; когда же въ кабинетъ раздавался колокольчикъ и вбѣгалъ адъютантъ, временщикъ надменно возглашалъ: «звать такого-то». Уже по этимъ выходкамъ можно судить, какъ обращался Аракчеевъ съ министрами во время доклада: кто изъ нихъ оказалъ наибольшія заслуги государству, кто былъ честнѣе, даровитѣе, кто пользовался милостивымъ вниманіемъ государя, тотъ подвергался и большимъ грубостямъ надменнаго и дерзкаго временщика.

Всѣ современныя свидѣтельства подтверждаютъ единогласно, что преобладающимъ свойствомъ въ этомъ выродкѣ челоуѣчества была: неумолимая строгость или, точнѣе, беспощадная жестокость. Чувство состраданія было невѣдомо Аракчееву.

За то *безпримырна* была и *трусость* его.... Это качество всѣхъ подлыхъ натур подавало иногда поводъ къ самымъ смѣшнымъ сценамъ. Меравъ въ своей жизни онъ видѣлъ себя вынужденнымъ упоминать, съ притворною отвороенностію, о «заполучномъ» свойствѣ своей природы: онъ жаловался на болѣзненную раздражительность нервной системы... Странно только то, что слабонервность его не обнаруживалась въ тѣ минуты, когда онъ, присутствуя при жесточайшихъ экзекуціяхъ, считалъ свою собственную персону гарантированной отъ всякой опасности. Въ противномъ случаѣ, Аракчеевъ держался въ сторонѣ или просто уѣзжалъ въ безопасное мѣсто. Такъ, въ

(*) Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll. Von Theodor von Bernhardi. Leipzig, 1856 т. 1, 30—31, первое изданіе.

время бунта въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, онъ не осмѣлился ѣхать въ Чугуевъ, а распорядился эвакюціями изъ Харькова; при восстаніи же военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи бѣжалъ изъ Грузина сначала въ Новгородъ, потомъ въ Юрьевъ Монастырь, къ пріятелю своему, извѣстному архимандриту Фотію. Особенно не на шутку перепугался онъ, когда зарвавши его любовницу Настасью, какъ то видно изъ письма его объ этомъ происшествіи къ императору Александру.

Пусть же всего страшится Аракчеевъ опасностей войны... Не считая на то, что всю жизнь свою онъ носилъ военный мундиръ и дослужился до высшихъ военныхъ чиновъ и званій, въ извѣстной графѣ его послужнаго списка неизмѣнно неотрлалась одна и та же отмѣтка: *«сб сраженіяхъ не бывалъ»*.... Толь рассказываетъ, что, предъ аустерлицкимъ сраженіемъ, императоръ Александръ намѣревался поручить начальство надъ одною колоною Аракчееву, находившемуся въ его свитѣ; но Аракчеевъ струсилъ до того, что признался императору въ «злополучной» раздражительности своихъ нервовъ, и съ тѣхъ поръ государь уже не давалъ ему роли героя.... Хотя Даниловскій и называетъ Аракчеева въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Александра на полѣ сраженія, но это ошибочно: Аракчеевъ никогда, даже и въ императорской свитѣ, не отваживался вступать въ черту выстрѣловъ.... (*).

Въ дополненіе характеристики Аракчеева, излагаемъ нѣсколько данныхъ изъ записокъ покойнаго Н. И. Греча, коротко знавшаго этого господина. «Уже въ дѣтствѣ Аракчеевъ понаживалъ коварство, лживость и подлость; донося на товарищей (кадетъ) и кланяясь начальникамъ. За то ненавидѣли его товарищи, и самый сильный изъ нихъ, великанъ Костенецкій (извѣстный впоследствии артиллерійскій генераль) больно доложилъ его.... Въ командованіи Преображенскимъ полкомъ (при императорѣ Павлѣ), обязанностію его было истребить въ офицерахъ и въ нижнихъ чинахъ духъ свободы и уваженіе къ самимъ себѣ: онъ оскорблялъ офицеровъ, а у солдатъ срывалъ усы съ частію губы.... Въ первые годы царствованія Александра, Аракчеевъ стоялъ въ тѣни, давая другимъ любителямъ *измосить*ся, чтобы потомъ захватить государя вполнѣ. Онъ особенно сталъ усиливаться съ 1806 года, когда угасли въ Александрѣ порывы молодыхъ мечтаній, когда онъ совершенно разочаровался въ людяхъ.... Въ Финляндскую кампанію, онъ придрался къ главнокомандующему, графу Буксгевдену, за недочетъ нѣсколькихъ пудовъ пороха, и написалъ

(*) Toll's Denkwürdigkeiten, I, 151.

ему грубое отношеніе. На это Бунсегвденъ отвѣчалъ сильными письменомъ, въ которомъ представлялъ разницу между главнокомандующимъ арміею, которому государь поручаетъ судьбу государства, и ничтожнымъ наредворцемъ, хотя бы онъ и назывался военнымъ министромъ. Этотъ отвѣтъ стоилъ дорого Бунсегвдену, но разошелся въ публикѣ, къ радости большинства ея. Аракчеевъ не зналъ или не думалъ, чтобы это письмо было извѣстно. Однажды, у себя за столомъ, говоря со мною о какомъ-то историкѣ, неучтиво отзывавшемся о Румянцовѣ, сказалъ: «да знаете-ли вы что такое главнокомандующій?» и повторилъ слова своего врага... Аракчеевъ не былъ вѣточникомъ, но пользовался всякимъ случаемъ для охраненія своего кармана. Онъ жилъ въ домѣ 2-й артиллерійской бригады, которой былъ шефомъ, на углу Дитейной и Бирючьей. Государь сказалъ ему однажды:—«Возьми этотъ домъ себѣ».—«Благодарю, государь», отвѣчалъ Аракчеевъ, «на что мнѣ онъ? Пусть остается вашимъ: на мой вѣкъ станетъ». Безкорыстно, не правда ли?... Не истинною причиною этого безкорыстія было то, что домъ чинили, перекрашивали, топили, освѣщали на счетъ бригады, а еслибъ была на немъ доска съ надписью: «Домъ графа Аракчеева», расходы пали бы на хозяина... Ничто такъ не характеризуетъ подлости духа графа Аракчеева, какъ отиѣтка въ положеніи, которымъ прибавлялось жалованье артиллерійскимъ офицерамъ: «ротнымъ командирамъ прибавки не полагаются, потому что они пользуются доходами отъ ротъ». Замѣтивъ въ бумагахъ какого-либо высшаго чиновника толкъ и хорошій слогъ, Аракчеевъ освѣдомлялся, кто его секретарь, переводилъ его къ себѣ, общалъ много, сначала хвалилъ и ласкалъ, а потомъ начиналъ оказывать ему холодность и презрѣніе. Такъ приблизилъ онъ къ себѣ почетнаго и достойнаго Василія Романовича Марченка (бывшаго потомъ государственнымъ секретаремъ) и впоследствии сдѣлалъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. По окончаніи ревизіи Сибири, выпросилъ у Сперанскаго Батенкова, посадилъ въ совѣтъ военныхъ поселеній и потомъ до того насолилъ ему, что Батенковъ пошелъ въ заговоръ Рылѣева»... (*).

Какъ же случилось, что такой нравственный уродъ, такое олицетвореніе всего свирѣлаго, звѣрскаго, могъ приобрести безпредѣльное вліяніе на императора Александра, человека съ благородною и возвышенною душою? Истерики, коснувшись этого глубоко-психологическаго вопроса, говорятъ: «Императоръ Павелъ, немедленно по вступленіи на престолъ, вызвалъ Аракчеева въ Петербургъ, принялъ его весьма ласково, подвезъ къ Александру и,

(*). «Русскій Архивъ» № 6-й 1871 года.

вложивъ въ его руки руку Аракчеева, сказалъ: «будьте друзьями!» «И мы всегда были друзьями!» впоследствии говаривалъ Аракчеевъ. Известно, напротивъ того, что этотъ родительскій совѣтъ не оказалъ большаго вліянія на Александра, и что вообще Аракчеевъ, при императорѣ Павлѣ, не пользовался ощущеніемъ великаго князя наследника, который верѣдко, въ кругу близкихъ къ нему лицъ, *изъявлялъ отращеніе къ «гатчинскому капралу»*. Но, по восшествіи на престолъ императора Александра I, Аракчеевъ успѣлъ возобновить въ немъ воспоминаніе о своей безпредѣльной преданности къ Божѣ почившему государю, и даже, какъ говорятъ, намекалъ, что императоръ Павелъ, отдаливъ его отъ себя въ послѣдніе дни свои, лишился въ немъ человѣка вполне вѣрнаго. Императоръ Александръ не могъ оставаться равнодушнымъ къ чувствамъ безкорыстной, загробной преданности вѣрноподданнаго: среди ликованій всей Россіи, привѣтствовавшей съ восторгомъ зарю новаго царствованія, юный властитель съ умиленіемъ слышалъ голосъ признательности Аракчеева императору Павлу, и это впечатлѣніе осталось неизгладимо въ слонномъ во всему честному, великодушному, Александрѣ. Послѣдующая жизнь Аракчеева была посвящена благоговѣнному культу императора Александра: получивъ, въ награду, портретъ государя, усыпанный брилліантами, Аракчеевъ отослалъ ихъ назадъ, сказавъ, что будетъ носить образъ своего царственнаго благодѣтеля безъ всякаго украшенія; отъ пожалованной ему андреевской ленты онъ отказался, считая себя «недостойнымъ носить одинъ орденъ съ государемъ». Известно также, что онъ отклонилъ намѣреніе императора Александра произвести его въ фельдмаршала, что, впрочемъ, было весьма благоразумно (еще бы!) со стороны человѣка, не отличавшагося военною доблестью. Вникая въ письма Аракчеева къ монарху—эти показанія величайшей исторической важности—мы видимъ въ нихъ вездѣ, о-божъ съ выраженіемъ безпредѣльной преданности государю, чувства удивленія къ нему и самоуниженія; вездѣ Аракчеевъ являетъ себя точнымъ, пассивнымъ исполнителемъ великихъ соображеній императора Александра, вездѣ напоминаетъ объ ожидающей монарха славѣ, о присущей ему благотворительности. Самое учрежденіе военныхъ поселеній, возбуждившее столь дружныя нареканія всей Россіи, высказывается, въ письмахъ Аракчеева, какъ благодѣяніе, неощенное по достоинству неблагодарностию и невѣжествомъ народа». (VI, 386—388).

Такъ, дѣйствительно, можно объяснить если не вполне, то отчасти причины довѣрія и любви императора Александра I къ Арак-
Т. LXXXI. Отд. II. 7

человѣку; но для исторіи важно рѣшеніе еще другаго вопроса: точно-ли Арапчевъ былъ «безъ лести и безкорыстно» преданъ государю?.. Этотъ послѣдній вопросъ вызываетъ новый вопросъ: способенъ-ли человѣкъ съ такими качествами души, какими отличался Арапчевъ, быть, безъ всякихъ заднихъ мыслей, преданъ кому-либо? способенъ-ли онъ любить кого-либо всецѣло, самоотверженно?... Допустимъ такую случайность: положимъ, что императоръ Александръ, желая испытать преданность и безкорыстіе своего любимца, отдалъ бы у него всю безконтрольную власть, все высшее значеніе въ государствѣ; ввѣлъ бы обратно въ казну богатое Грузино съ деревнями, и оставилъ бы Алексѣя Андреевича при одномъ тогдашнемъ небольшомъ генеральскомъ жалованьи, безъ столовыхъ, безъ арендныхъ и безъ всякаго рода прибавочныхъ и дополнительныхъ суммъ. Если бы Арапчевъ выдержалъ это испытаніе, тогда можно было бы повѣрить, что онъ былъ «безъ лести преданъ», по смыслу избраннаго имъ самимъ девиза для своего графскаго герба. Но выдержалъ-ли бы онъ испытаніе? Вотъ въ чемъ вопросъ!...

Говорить о безкорыстіи Арапчева значитъ то же, что говорить о голодѣ сытаго по горло человѣка. Въ одномъ изъ писемъ къ императору (отъ 20-го октября 1821 года) Арапчевъ представляетъ себя даже бѣднякомъ, напоминая, что весь его годовою доходъ не превышаетъ *семидесяти тысячъ* рублей... Въ самомъ дѣлѣ, какая бѣдность!... Тогдашнія семьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями значилъ то же, что нынѣшнія семьдесятъ тысячъ сареломъ! Не забываетъ еще забывать, что Арапчевъ всегда, когда ему было угодно, могъ рассчитывать на неограниченныя милости государя....

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что письма Арапчева драгоцѣнный историческій источникъ; но, кромѣ того что виднѣ въ нихъ нашъ историкъ, они служатъ неопровержимымъ доказательствомъ самой уточенной лести временщика, желанія показать, что онъ одинъ и есть вѣрный, честный и безкорыстный слуга, что на другихъ государю надѣяться нечего.... При удобномъ случаѣ, Арапчевъ дѣлаетъ и инсинуаціи, чтобы выставить того или другаго въ невыгодномъ свѣтѣ, и хвалитъ только своихъ клеветовъ.

«Арапчевъ являлъ себя точнымъ, пассивнымъ исполнителемъ великихъ соображеній императора Александра», говоритъ авторъ. Да, правда; но, подѣ личною точности, пассивности, *какъ* исполнялъ онъ предначертанія государя? Мы видѣли *каковъ* онъ былъ въ военныхъ поселеніяхъ и вообще во всѣхъ своихъ служебныхъ дѣй-

ствіяхъ... Ему ставить въ заслугу усовершенствованія въ нашей артилеріи, упорядоченіе въ дѣлахъ военного министерства и исполненіе важныхъ порученій государя; особенно выставляють на видъ, что Аракчеевъ, во время финляндской войны, своею настойчивостію побудилъ нашихъ генераловъ отважиться на переходъ по льду къ Аландскимъ Островамъ и къ берегамъ Швеціи. Но что же во всемъ этомъ необычайнаго, гениальнаго? Какъ артиллеристъ, хорошо знакомый съ тогдашней техникою своей части, Аракчеевъ нигдѣ случаевъ примѣнить къ практикѣ свои теоретическія знанія; какъ опытный администраторъ, онъ обиваясь былъ, по долгу присяги, препратить безпорядки во ввѣренномъ ему министерствѣ; какъ довѣренному лицу императора, пользовавшемуся ничѣмъ и ниѣмъ неограничиваемыми полномочіями, ему нетрудно было выполнять успѣшно возлагавшіяся на него порученія. Все это не выходило изъ ряда обычныхъ служебныхъ обязанностей, а, главное, все это тонетъ въ безднѣ тѣхъ волей, которыя были неразлучны съ «аракчеевщиною» и которыя такъ тяжело отражались на всей Россіи. Отказаться Аракчееву въ практическомъ умѣ нельзя; но государственными человекомъ онъ не былъ и никогда быть не могъ. Это былъ дока-бюрократъ въ генеральскомъ мундирѣ.

Слѣдуетъ еще улемянуть о миліонѣ, завѣщанномъ Аракчеевымъ въ пользу того историка, который, спустя сто лѣтъ, напишетъ лучшую исторію царствованія императора Александра I. Замѣчательныя слова, сказанныя по этому поводу академикомъ Погодинымъ: «Если бы графъ Аракчеевъ, вмѣсто этого миліона, оставилъ простыя записки о своей жизни и искренній дневникъ, вѣрный отчетъ о своихъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ, безъ всякихъ украшеній, то исторія была бы ему гораздо благодарнѣе, а потомство готово было бы заплатить ему за нихъ лучше свой собственный миліонъ заднимъ числомъ, чѣмъ получить отъ него (*).

Но въ томъ-то и дѣло, что общественные дѣятели, подобные Аракчееву, не оставляють послѣ себя никакихъ записокъ, а меньше всего *искреннихъ*... Награждая миліономъ будущаго историка царствованія императора Александра I, самолюбивый временщикъ мечтаетъ, конечно, и о томъ, что и на его долю достанется отблескъ той славы, которая сверкала монарха. Безсмысленно Аракчеевъ ничего не дѣлалъ.

(*). См. статью: «Сперанскій» въ №№ 7—8 «Русскаго Архива» за текущій годъ.

XVI.

Историкъ посвятилъ многія страницы обзорѣнію внутренняго состоянія Россіи въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра, что, конечно, было необходимо для всесторонняго ознакомленія съ этою стороною жизни нашего отечества; но какъ во всѣхъ частяхъ государственнаго механизма уже не проявлялось въ этотъ періодъ той кипучей дѣятельности, того прогрессивнаго стремленія, которыми отличались первые годы правленія юнаго монарха, то и картина естественно утрачиваетъ значительную долю своего интереса. Если исключить самый крупный фактъ — устройство военныхъ поселеній, то все остальное сводится къ отдѣльнымъ мѣрамъ, посредствомъ которыхъ пытались или поддержать прежде основанное, или улучшить кое-что, но, большею частію, дѣла были оставляемы въ statu quo, которое, въ государственной жизни, требующей непрерывнаго поступательнаго движенія, есть просто шагъ назадъ.

Такой застой былъ тѣмъ знаменательнѣе, что всякая война, предпринимаемая во имя высшихъ государственныхъ интересовъ и оканчивающаяся полнымъ торжествомъ надъ противникомъ, обыкновенно пробуждаетъ національныя силы къ усиленной дѣятельности и вводитъ общество въ новую колею жизни. Десятилѣтняя борьба Россіи съ бонапартовскою Франціей, увѣнчанная блистательнѣйшимъ успѣхомъ, произвела противоположные результаты. Причиною тому былъ духовный переворотъ, совершившійся въ вознесенномъ на высшую степенъ славы монархѣ, побѣдѣлѣ Наполеона.

Извѣстно, что императоръ Александръ I имѣлъ намѣреніе даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ. Самымъ удобнымъ для этой высокочеловѣчной мѣры временамъ было, безспорно, окончаніе великой войны, бремя которой несли сотни тысячъ помѣщичьихъ крестьянъ. Можно думать, что если бы императоръ не остановился на пути либеральныхъ реформъ, то осуществилъ бы и эту заветную мечту своей юности; теперь же онъ ограничился самою незначительною попыткою: освобождены были только поселяне прибалтійскихъ губерній, да и то безъ земли.

Непосредственныя слѣдствія великой войны отразились, между тѣмъ, на чрезвычайномъ разстройствѣ государственныхъ финансовъ. Десятилѣтняя борьба съ Наполеономъ произвела то, что количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, выпущенныхъ съ 1804 по 1817 годъ, увеличилось *больше нежели втрое*: съ 260,658,550 до 836,000,000 рублей, и цѣнность асигнаціоннаго рубля упала съ

74-хъ до 24-хъ копѣекъ серебромъ. Не говоря уже о гибели состоянія множества частныхъ людей, такой упадокъ курса столь сурово отозвался и на государственномъ хозяйствѣ, что, не смотря на возвышеніе налоговъ, доходы увеличились не въ дѣйствительности (съ 90 до 110 миліоновъ рублей серебромъ), а номинально (съ 118 до 440 мил. руб. сер.). Выйти изъ такого стѣсненнаго положенія надѣялись прекращеніемъ, съ 1817 года, выпуска новыхъ ассигнацій и погашеніемъ ихъ, и, кромѣ того, открытіемъ, въ томъ же и въ слѣдующемъ году, двухъ безсрочныхъ займовъ. Но эти мѣры были мѣры чисто паліативныя, и даже хуже того: онѣ не только не послужили къ возвышенію нашего курса, а, напротивъ, повели къ увеличенію государственныхъ расходовъ на сумму процентовъ, подлежащихъ уплатѣ по займамъ. Когда въ государственномъ совѣтѣ разсматривалась роспись доходовъ и расходовъ на 1821 годъ, адмиралъ Мордвиновъ предлагалъ два источника «неукоснительнаго и знатнаго приращенія доходовъ», а именно: 1) введеніе въ войскѣ «срочной» (краткосрочной?) службы, съ отбѣною рекрутства, такъ какъ, по мнѣнію Мордвинова, всѣ ревизскія души охотно заплатили бы за отбѣну рекрутства по три рубля, что дало бы до шестидесяти трехъ милліоновъ рублей; 2) увольненіе въ домовую отпускъ половиннаго числа солдатъ, чѣмъ Мордвиновъ надѣялся сберечь ежегодно болѣе шестидесяти миліоновъ рублей. Тотъ же Мордвиновъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, считалъ вѣрнымъ средствомъ къ улучшенію финансовъ постепенное уничтоженіе ассигнацій. Въ продолженіе пяти лѣтъ, начавшая съ 1817 года, когда былъ прекращенъ выпускъ ассигнацій, до 1822 года, количество бумажныхъ знаковъ уменьшилось на 240 миліоновъ рублей и простиралось въ 1822 году до 595,776,300 рублей; но мѣра эта повела къ тому, что государственный расходъ увеличился отъ платежа процентовъ (по займамъ) до 5,000,000 рублей серебромъ, а курсъ достигъ ничтожнаго повышенія: съ 4 рублей до 3 рублей 73 копѣекъ за рубль серебра.

Въ 1825 году государственный долгъ простирался до 350,656,828 руб. сер., что составляло около $3\frac{1}{6}$ бюджета. Къ счастью Россіи, министерство финансовъ перешло съ 1823 году въ руки Канкрина, перваго русскаго министра финансовъ въ дѣйствительномъ значеніи слова: онъ, своими мудрыми мѣрами, уже въ первые четыре года управленія уменьшилъ годовой расходъ на $\frac{1}{7}$ часть и сберегъ къ 1827 году 160,300,000 рублей ассигнаціями (42,600,000 руб. сер.). До Канкрина у насъ много лѣтъ сряду существовалъ дефицитъ.

Обозрѣвая военную часть въ послѣдніе годы царствованія Александра I (1815—1825), авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о составѣ русской арміи и опредѣляетъ *приблизно* число людей въ слѣдующемъ видѣ:

Въ гвардейской пѣхотѣ	25,200 чел.
» армейской »	472,500 »
» гвардейской кавалеріи	8,600 »
» армейской »	66,150 »
Артилеріи вообще до	37,000 »

Всего до 609,450 человекъ, съ 1,668 орудіями, кромѣ регулярныхъ войскъ и внутренней стражи.

Затѣмъ авторъ говоритъ объ основаніи специальныхъ военно-учебныхъ заведеній и посвящаетъ нѣсколько строкъ ласкательскимъ школамъ, учрежденнымъ при гвардейскихъ и нѣкоторыхъ армейскихъ полкахъ. Школы эти, основанныя, какъ извѣстно, на методѣ взаимнаго обученія (чтенію, письму и первымъ четыремъ правиламъ арифметики), обѣщали чрезвычайно плодотворныя послѣдствія по быстрому распространенію грамотности между нижними чинами; но, отъ стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминаетъ Гречъ, основатель и руководитель центральной школы, въ своихъ запискахъ, и о которыхъ мы сказали въ предшествовавшей статьѣ, онѣ существовали недолго, и великое дѣло умственнаго образованія солдатъ оставалось въ небреженіи до нашего времени. Гречъ свидѣтельствуетъ, что ученіе сопровождалось «удивительнымъ успѣхомъ». Въ концѣ втораго мѣсяца (по основаніи школы), солдаты, незнавшіе дотолѣ ни аза, выучились читать и съ таблицъ, и по книгамъ; многіе писали уже порядочно. «Нельзя», прибавляетъ Гречъ, «вообразить себѣ прилежанія, рвенія, удовольствія, съ какими они учились: предъ ними разверзлася новый міръ.... Сипягинъ (начальникъ гвардейскаго штаба; по его предложенію Гречъ и положилъ основаніе училищу) былъ въ восторгѣ. Весильчиковъ, Бистромъ, Потемкинъ, Храповицкій и другіе пріѣзжали смотрѣть учащихся и не могли надивиться». 19-го іюля 1819 года произведенъ былъ экзаменъ въ присутствіи императора, который такъ остался доволенъ, что очень милостиво благодарилъ Греча за стараніе о солдатахъ и приказалъ учредить по училищу въ каждомъ полку гвардейскаго корпуса. Школы были устроены въ полкахъ преобразованномъ, московскомъ, егерскомъ, кавалергардскомъ. Семеновская исторія остановила ихъ дальнѣйшее развитіе.

Реакціонное направленіе внутренней политики въ послѣдніе годы

царствованія Александра I отразилось особенно чувствительно на министерствѣ народнаго просвѣщенія, т. е. на умственной жизни русскаго общества. Для сословія привилегированныхъ основывались, правда, всякаго рода учебныя заведенія, но масса народа, по прежнему, коснѣла въ невѣжествѣ, и «свѣтъ не проникалъ въ хижины», какъ желалъ того вѣкогда Александръ, и о народныхъ школахъ никто не думалъ. Эта грустная страница въ нашей исторіи довольно обстоятельно раскрыта новѣйшими изслѣдованіями (Гречъ, Сухоминовъ, Водовозовъ); авторъ разсматриваемой книги пополнилъ ихъ, опираясь на офіціальные источники, вѣсколькими свѣжими данными.

Ничего не можетъ быть прискорбнѣе взрыва невѣжества обскурантовъ-ретроградовъ, по доносу которыхъ гроза разразилась надъ толико что основаннымъ с. петербургскимъ университетомъ (14-го февраля 1819 года). Печальная участь постигла новый университетъ потому, что составъ профессоровъ и направленіе читаемыхъ ими курсовъ напоминали университеты первыхъ годовъ царствованія Александра, когда и въ самой государственной администраціи преобладали разумныя либеральныя начала. Обскуранты пришли въ ужасъ, узнавъ, что, при преподаваніи философіи, служили основаніемъ идеи Шеллинга, съ которыми впервые ознакомилъ русское общество профессоръ Галичъ, впрочемъ весьма осторожно: онъ не усвоивалъ крайнихъ выводовъ знаменитаго германскаго мыслителя, но придерживался противника Шеллинга, Якоби, вѣровавшаго въ откровеніе и доказывавшаго, что источникъ всего существующаго—не природа и не разумный духъ человѣка, какъ училъ Шеллингъ, а Богъ, котораго бытіе столько же мало нуждается въ доказательствѣ, сколько и бытіе человѣка. Галичъ признавалъ философію необходимою для утвержденія христіанскихъ вѣрованій и допускалъ, что сомнѣніе неизбежно для развитія философіи, что изслѣдованіе заблужденій самонадѣяннаго ума есть вѣрнѣйшій способъ къ упроченію откровенныхъ истинъ. За такое ученіе и профессора, и изданную имъ *«исторію философскихъ системъ»* обвинили *«въ неспрѣи...»* Адъюнктъ-профессоръ статистики Арсеньевъ возстановилъ противъ себя поборниковъ мракобѣсія тѣмъ, что не ограничивался одними фактами и цифрами, а освѣщалъ ихъ критически, когда, напримѣръ, касался асигнацій при обзорѣни монетной системы въ Россіи, или, говоря о большей или меньшей производительности труда, разсуждалъ о крѣпостномъ правѣ, или же давалъ понятіе о тогдашнемъ государственномъ управленіи.

Заслужившій скандальную извѣстность въ этомъ дѣлѣ Рундчъ, исправлявшій должность почечителя округа, донесъ въ 1821 году

главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки преподаются въ с.-петербургскомъ университетѣ «въ духѣ противномъ христіанству и поселяютъ въ умахъ студентовъ идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія....» Лекціи обвиненныхъ Руничемъ профессоровъ были прекращены, и главное правленіе училищъ постановило: профессоровъ Германа (ординарнаго профессора статистики), наставника Арсеньева и Раупаха, профессора всеобщей исторіи, удалить изъ университета, запретивъ имъ преподаваніе по министерству просвѣщенія вообще, а руководство къ статистикѣ Германа, Арсеньева и книгу о философіи Галича исключить изъ употребленія по министерству; но такъ какъ обвиненные профессора требовали, чтобы имъ даны были средства къ формальному оправданію, то рѣшено было предоставить разсмотрѣніе ихъ дѣла судебному мѣсту уголовнымъ порядкомъ. Тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ (Александръ Николаевичъ), человекъ ограниченнаго ума и еще болѣе ограниченнаго образованія, весьма шаткій въ истинахъ православія, сторонникъ всякаго рода нечѣстныхъ и даже вредныхъ религіозныхъ sectъ, представилъ дѣло въ комитетъ министровъ съ собственнымъ заключеніемъ. По мнѣнію его, «отъ образа рѣшенія дѣла (профессоровъ) зависѣла возможность остановить распространеніе пагубнаго ученія не только въ петербургскомъ университетѣ и округѣ, но и въ прочихъ», и потому онъ предлагалъ: Германа и Раупаха выслать изъ Россіи, давъ имъ нѣкоторую сумму для выѣзда за границу, изъ человеколюбія (?!), *но напечатать въ иностранныхъ газетахъ причину ихъ высылки*; книги ихъ запретить; Галича оставить при университетѣ (*), но въ другой должности; Арсеньеву запретить преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ, предоставить избрать другой родъ службы; Рунича утвердить попечителемъ и наградить за открытіе, т. е. за доносъ.... (VI, 220).

Въ пользу скромныхъ труженниковъ науки, на которыхъ были возведены Руничемъ небывалыя преступленія, возвысилъ голосъ Уваровъ (Сергій Семеновичъ), бывший попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и основатель университета: онъ обратился прямо къ государю съ письмомъ, въ которомъ выставилъ на видъ недоказанность приписанныхъ профессорами преступленій и недостойные поступки ихъ гонителей. Мало того: Уваровъ, признавая себя, въ качествѣ бывшаго попечителя, обязаннымъ оправдать университетъ, не только

(*) Галичъ, человекъ честный, но слабохарактерный, испугался затѣвливной Руничемъ скандальной исторіи, и вмѣсто того, чтобы написать оправданіе, «присиль не помануть грѣховъ его юности и невѣдѣнія».

принималъ на себя свою долю отвѣтственности, но просилъ о строжайшемъ изслѣдованіи дѣла. Къ прискорбію всѣхъ честныхъ людей, этого-то именно и не случилось: дѣло о профессорахъ зашло въ комитетъ министровъ, и только по воцареніи императора Николая Павловича объявлено было, въ февралѣ 1827 года, высочайшее повелѣніе: считать дѣло о профессорахъ оконченнымъ».

Реакція, чувствуя, что сила на ея сторонѣ, пошла дагѣе: въ іюль 1822 года было запрещено принимать въ дерптскій университетъ студентовъ, учившихся въ иностранныхъ университетахъ; въ февралѣ 1823 года распространено на всѣ вообще учебные округа запрещеніе отправлять молодыхъ людей, для усовершенствованія въ наукахъ, въ университеты гейдельбергскій, іенскій, гиссенскій и вюрцбургскій, подъ предлогомъ, что эти университеты «сдѣлались театромъ всякаго рода неустройствъ, и гдѣ молодые люди почерпали ненатія самыя противныя религіи и нравственности». Въ 1824 году невогода распространилась и на гимназіи: дѣль преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ вѣдно было исключить право естественное и науки политическія, уменьшить число уроковъ реторики и поэзіи, выборъ же тамъ для сочиненій учениковъ предоставить не учителямъ, а университетскому правленію (VI, 222—223).

Послѣ всего этого не покажется преувеличеннымъ, что Грибоѣдовъ, рисуя, въ своемъ гениальномъ твореніи, современное ему общество двадцатыхъ годовъ, влагаеть въ уста Фамусова мнѣніе, господствовавшее въ тогдашнихъ вліятельныхъ кружкахъ:

«Ну, вотъ, великая бѣда,
 Что выпьетъ лишнее мужчина!
 Ученье—*вотъ чума*, ученость—*вотъ причина*,
 Что нынче пуше, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и мнѣній!»

По всей вѣроятности, Грибоѣдовъ списалъ съ натуры и типъ того барина, который, поселясь въ ученый комитетъ, съ крикомъ требовалъ, чтобы никто, подъ присягою, не смѣлъ учиться грамотѣ...

Что цензура книгъ также получила реакціонный характеръ, иначе и быть не могло, хотя въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I еще дѣйствовалъ ценсурный уставъ 1804 года, довольно умѣренный. Въ немъ было, напрямѣръ, такое правило, охранявшее, до известной степени, свободу слова: «когда мѣсто (въ сочиненіи), подверженное сомнѣнію, имѣеть двойной смыслъ, *то лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его (автора) преслѣдовать*». Цензоры не только не исполняли этого

истинно-честнаго правила, но простирали свое усердіе до того, что шли наперекоръ ему, и въ самыхъ невинныхъ выраженіяхъ и словахъ старались отыскивать преступный смыслъ. Для всѣхъ писателей оставалось тайною, гдѣ оканчивался законъ и гдѣ начинался произволъ ценсора. Назначенный, вмѣсто князя Голицына, министромъ просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, почти восьмидесятилѣтній старикъ, выжившій изъ ума, обскурантъ и ретроградъ перваго разбора, представилъ императору необходимость составить новый ценсурный уставъ, избрать шесть или восемь «искусныхъ въ словесности» ценсоровъ и учредить *верховный ценсурный комитетъ* изъ пяти членовъ: митрополита или ученаго архіепископа, министровъ просвѣщенія, полиціи, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, прибавивъ къ нимъ «еще одного изъ государственныхъ людей, имѣющаго *достаточныя* (?) познанія».

Въ запискахъ своихъ Шишковъ говоритъ, что императоръ Александръ одобрилъ написанный имъ проектъ цензуры; историкъ же поясняетъ, что государь, зная несочувствіе общественнаго мнѣнія новому министру просвѣщенія (или «министру затмѣнія», какъ называлъ его Карамзинъ), оставилъ прежній ценсурный уставъ *de jure* во всей его силѣ, но, въ дѣйствительности, ценсоры, по даннымъ имъ негласнымъ инструкціямъ, сдѣлались строже, особенно къ сочиненіямъ, касавшимся вѣры и внутренней администраціи. «Въ сущности», прибавляетъ авторъ, «распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія при Шишковѣ были такъ же стѣснительны, какъ и при князѣ Голицынѣ; прежніе дѣатели, Магницкій, Руничъ и подобныя имъ поборники мракобѣсія, оставались въ силѣ, несмотря на то, что *прежнее былое сдѣлалось чернымъ, а черное былое*» (VI, 228).

Не одно министерство народнаго просвѣщенія держало въ опекѣ русскую литературу; на примѣненіе въ практикѣ ценсурнаго устава 1804 года, слѣдовательно и на развитіе отечественной словесности, и на умственное движеніе народа, имѣли вліяніе различныя вѣдомства, особенно же министерство полиціи. Этому министерству было вѣнено въ обязанность указывать въ *разрѣшенныхъ уже ценсурою* книгахъ мѣста, «подававшія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и опаснымъ для общественнаго порядка или нравственности...» Управлявшій министерствомъ полиціи, генералъ Вязмитиновъ, писалъ, въ 1815 году, министру народнаго просвѣщенія, по поводу предпринятаго нѣсколькими литераторами изданія журнала «Вѣстникъ Словесности», что «новый журналъ *можно было бы почестъ излишнимъ*, судя по множеству (?) издаваемыхъ въ томъ году періодическихъ из-

даній», и хотя не встрѣчалъ въ изданію его «особенныхъ препятствій», но рѣшительно воспротивился, чтобы въ журналѣ помѣщались *критическія статьи о театрѣ*. Мнѣніе свое Взятниновъ оправдывалъ слѣдующею логикою: «позволительны сужденія о театрѣ и актерахъ, когда бы оныя (т. е. театръ и актеры) зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся на службѣ Его Величества, я почитаю неумѣстными во всякомъ журналѣ».

Даже лица, приближенныя къ императору, считали себя въ правѣ преслѣдовать русскую литературу. По представленію князя Чарторыйскаго, цензору Тимковскому сдѣланъ былъ выговоръ за разрѣшеніе напечатать въ «Сынѣ Отечества» слѣдующую патріотическую солдатскую пѣсню, по поводу вступленія французовъ въ Москву:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
 Это, право, не бѣда!
 Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
 Ихъ на смерть выпустилъ туда.
 Вспомнишь, братцы, что поляки
 Встарь бывали также въ ней;
 Но не жирны кулебяки —
 Ъли кошекъ и мышей.
 Наослѣдокъ мертвечину
 Земляковъ пришлось имъ жрать;
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крокъ по-польски выгибать.
 Свѣту цѣлому извѣстно,
 Какъ платили мы долги:
 И теперь получаютъ чество
 За Москву платежъ враги.
 Побывать въ столицѣ—слава!
 Но умѣемъ мы отищать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
 И Парижъ то будетъ знать (*).

«Несмотря на репрессивныя мѣры тогдашней (послѣдняго десятилѣтія царствованія Александра I) цензуры», говоритъ историкъ, «вліяніе либеральнаго направленія, которымъ отличалась первая половина царствованія Александра, не могло изгладиться: число издаваемыхъ

(*) Замѣчательно, что генералъ Михайловскій-Данилевскій, спустя слишкомъ двадцать пять лѣтъ, приводитъ эту пѣсню въ своемъ описаніи войны 1812 года, выпустилъ стихи о полякахъ. Кому же изъ ясновельможныхъ пановъ хотѣлъ онъ угодить этимъ?..

книгъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, а равно и число периодическихъ изданій, могущее отчасти служить мѣриломъ интеллектуальнаго развитія и любознательности общества». И вслѣдъ за тѣмъ представляетъ перечень *тридцати шести* газетъ и журналовъ, издававшихся въ 1824 году, въ обѣихъ столицахъ. Но авторъ забылъ упомянуть о двухъ, единственныхъ тогда, военныхъ периодическихъ изданіяхъ (кромя «Русскаго Инвалида»), основанныхъ еще до отечественной войны: это «*Военный Журналъ*» и «*Артиллерійскій Журналъ*». Первый изъ нихъ, состоя подъ редакціей полковника генеральнаго штаба Гахманова, былъ замѣчательнымъ, по тому времени, и серьезнымъ, по содержанію, военно-ученымъ сборникомъ; онъ прекратился въ 1812 году; по окончаніи же наполеоновскихъ войнъ, былъ возобновленъ при штабѣ гвардейскаго корпуса, потомъ перешелъ въ вѣдѣніе военно-ученаго комитета (по отдѣленію генеральнаго штаба) и существовалъ до іюля 1859 года.

Что до направленія вообще тогдашнихъ журналовъ, то оно было довольно безцвѣтно, или и вовсе безцвѣтно; только два изъ нихъ, «Русскій Вѣстникъ» Глинки и «Опытъ Отечества» Греча, отличались горячимъ патріотическимъ духомъ въ эпоху борьбы Александра съ Наполеономъ, и, безспорно, имѣли сильное вліяніе на современное общество. Въ своемъ родѣ былъ замѣчательнъ еще «*Сіонскій Вѣстникъ*», издававшійся Лабзиннымъ — замѣчательнъ, какъ отголосокъ особеннаго движенія, проявившагося въ русскомъ обществѣ вскорѣ послѣ окончанія войнъ съ бонапартовскою Франціею. Правда, «Сіонскій Вѣстникъ» сталъ выходить въ свѣтъ еще въ 1806 году, но прекратился на девятой книжкѣ, «по обстоятельствамъ немаловажнымъ и независѣвшимъ отъ воли издателя». Журналъ возобновился въ 1817 году, по желанію самого императора, который, въ это время, сталъ обнаруживать большую наклонность къ мистицизму, и, обративъ вниманіе на переведенныя Лабзиннымъ сочиненія Шаллинга для народнаго поученія, пожаловалъ переводчику (въ 1816 году) орденъ св. Владиміра второй степени «за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ». Въ эту же пору начали процвѣтать ма-сонскія ложи и правительство сильно повровительствовало библейскимъ обществамъ. «Сіонскій Вѣстникъ», посвященный «Господу Іисусу Христу», имѣлъ, въ числѣ своихъ многочисленныхъ подписчиковъ, членовъ императорской фамиліи. Но и вторичное изданіе мистическаго журнала было непродолжительно: онъ кончился въ 1818 году іюньскою книжкою, а впоследствии, когда Шишковъ сталъ министромъ просвѣщенія, не только «Сіонскій Вѣстникъ», но и всѣ

книги, изданныя Лабиннымъ, подверглись строжайшему запрещенію и были опечатаны въ книжномъ магазинѣ Глазунова.

Историкъ поступилъ какъ нельзя болѣе рачительно, посвятивъ многія страницы своего труда подробному изложенію хода умственной жизни Россіи въ царствованіе императора Александра I. Ничто такъ не характеризуетъ внутренней силы и внутренней слабости государства въ данное время, какъ состояніе литературы (принимая это слово въ самомъ обширномъ значеніи), этого передоваго дѣятеля человѣческаго духа. Та же причина заставила и насъ остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ умственнаго движенія при Александрѣ I. У французовъ есть поговорка: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знаешься, и я скажу тебѣ *кто* ты». Поговорку эту можно примѣнить и къ цѣлой націи, спросивъ ее: «скажи мнѣ, есть-ли у тебя литература? окружаешь-ли ты почетомъ своихъ писателей? видишь-ли въ нихъ свою честь, гордость и славу! — и я скажу тебѣ, *какая* ты нація». Тотъ, напримѣръ, фактъ, что Карамзинъ не могъ получить денегъ на изданіе своей исторіи до тѣхъ поръ, пока не поѣхалъ поклониться Аракчееву—этотъ фактъ, громче всякихъ разсужденій, говоритъ, отъ *какихъ* причинъ можетъ иногда зависть судьба національной литературы. Еще не бывало примѣра, чтобы литература развивалась и процвѣтала подъ сѣнію опекуновъ, подобныхъ Аракчееву. Вспомнимъ, что едва сталъ расцвѣтать геній Пушкина, какъ его уже спѣшили прихлопнуть. 18-го октября 1820 года Аракчеевъ писалъ императору: «Ценсурѣ довольно дѣла смотрѣть за сочинителями... Извѣстнаго Вамъ Пушкина стихи печатаютъ въ журналахъ, съ означеніемъ изъ (?) Кавказа, видно для того, чтобы извѣстить объ немъ *любимыхъ его сотоварищей и друзей...*»

Изъ внутреннихъ событій послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра важнѣйшимъ было водвореніе русскаго владычества на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Этотъ отдѣлъ тщательно обработанъ авторомъ; особенно хорошо изложены дѣйствія Ермолова на основаніи подлиннаго журнала и писемъ Алексѣя Петровича къ его главному сподвижнику, князю Мадатову. Для объясненія дѣйствій Ермолова, въ послѣднемъ тому приложена карта (въ масштабѣ 100 верстѣ), составленная въ 1819 году генераломъ Хатовымъ по современнымъ свѣдѣніямъ.

Изъ событій внѣшнихъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, возстанію грековъ—роковому восточному вопросу. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ въ душѣ сочувствовалъ грекамъ и не могъ не признавать естественнымъ желаніе ихъ избавитися отъ

турецкаго ига; но какъ разъ передъ греческимъ возстаніемъ онъ принялъ на лайбахскомъ конгрессѣ обязательство — подавить всякое покушеніе противъ законнаго правительства, и потому считалъ возстаніе грековъ такимъ же опаснымъ для общаго спокойствія, какъ и революціонныя взрывы на западѣ Европы. А между тѣмъ вся Россія горячо желала освобожденія грековъ и войны съ турками; въ грекахъ русскій народъ видѣлъ своихъ униженныхъ, угнетенныхъ единовѣрцевъ, ни откуда не получавшихъ помощи, на войну за нихъ смотрѣлъ какъ на дѣло святое, какъ на крестовый походъ противъ невѣрныхъ; жители нашихъ южныхъ областей надѣялись, что ключи Босфора и Дарданель, перейдя въ руки грековъ, откроютъ свободный путь произведеніямъ плодороднаго края Россіи во всея прилегающія къ Средиземному Морю страны. Даже высшія сословія были въ пользу гетеристовъ, какъ поборниковъ свободы, и неравъ высказывалось мнѣніе, что настало время осуществить исполненіе планы Екатерины — возстановить Византійскую Имперію... Армія наша также воодушевлена была наилучшимъ духомъ и нетерпѣливо ожидала минуты, когда ей прикажутъ идти на помощь православнымъ грекамъ.

Все это было хорошо извѣстно императору Александру. Въ конфиденціальному письмѣ къ лорду Кэстлри, онъ сознавался, что «изъ всѣхъ русскихъ *оно одно* противился войнѣ съ турками», и жаловался, что это противодѣйствіе общему желанію нанесло ущербъ народной любви къ нему. «А между тѣмъ», справедливо замѣчаетъ историкъ, «ни прежде, ни послѣ не было, быть можетъ, удобнѣйшаго времени къ *последней* войнѣ съ Портою. Ни одна изъ европейскихъ державъ, кромѣ Англій, не стала бы противиться видамъ Россіи; да и въ Англій, министерство, поддерживая Турцію, встрѣтило бы въ парламентѣ смѣлую оппозицію въ пользу угнетенныхъ грековъ. Франція была занята охраненіемъ внутренняго спокойствія въ сосѣдствѣ волновавшейся Испаніи. Австрія обращала все свое вниманіе на поддержаніе существующаго порядка въ Италіи. Прусія дѣйствовала заодно съ Россіей. Несмотря на все эти благоприятныя обстоятельства, императоръ Александръ отказался отъ рѣшительной защиты грековъ и предпочелъ облегчить судьбу ихъ, войдя въ соглашеніе съ Портою» (VI, 33).

Но никакого соглашенія съ Турціей не могло быть достигнуто; дѣло дошло, напротивъ, до того, что посланникъ нашъ, Строгоновъ, потребовалъ свои паспорта и 29 іюля 1821 года отплылъ въ Одессу. Послѣ этого въ Россіи никто не сомнѣвался въ необходимости

войны съ турками; Дибичъ уже составилъ проектъ дѣйствій противъ турокъ, который осуществился, въ главныхъ чертахъ, при Николаѣ I, но при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ.

Въ возникшія между Россіей и Турціей несогласія вмѣшалась европейская дипломатія: воспользовавшись нѣкоторыми маловажными уступками Перты, кабинеты вѣнскій и лондонскій отклонили войну, однако не успѣли ни возстановить согласія между обоими государствами, ни улучшить судьбу грековъ. Затѣмъ дипломатія прибѣгла къ обычному тогда средству лечить политическіе недуги — къ конгрессу. При проѣздѣ императора Александра чрезъ Вѣну въ Верону, гдѣ былъ назначенъ конгрессъ, Метерниху удалось усилить свойственную государю недовѣрчивость до того, что «императоръ Александръ уже не настаивалъ на неотлагательномъ умиротвореніи Греціи, представляя будущности рѣшеніе восточнаго вопроса, столь близкаго Россіи, столь тѣсно связаннаго съ ея матеріальными и нравственными интересами. Вниманіе государя было устремлено на Испанію и подавленіе революціи въ сей странѣ сдѣлалось *главнымъ вопросомъ* на предстоявшемъ конгрессѣ въ Веронѣ» (VI, 63 — 64).

Шатобриану, французскому уполномоченному, Александръ сказалъ:

— «Ничего не могло быть выгоднѣе для меня и для моего народа, ничего болѣе согласнаго съ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, какъ религіозная война противъ турокъ; но я видѣлъ въ волненіяхъ Паллопеса признаки революціи и удержался. Чего не дѣлали, чтобы разорвать союзъ (священный)! То внушали мнѣ предубѣжденія, то старались уязвить мое самолюбіе, то оскорбляли явно. Но меня очень плохо знали, если думали, что мои убѣжденія зависѣли отъ тщеславія, или могли уступить желанію мести. Нѣтъ, никогда не оставлю я монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ».

Когда греки были всѣми оставлены, знаменитый вождь возставшихъ эллиновъ, Боллокотрони, сказалъ своимъ братьямъ: «не надѣйтесь ни на кого, кромѣ своихъ мечей и ружей»!... Но въ 1824 году, изнемогая въ неравной борьбѣ, греки, въ отчаяніи, *обратились къ покровительству Англи*, гдѣ, съ образованіемъ министерства Канинга, общественное мнѣніе громко требовало поддержки геройскихъ защитниковъ свободы. Вскорѣ потомъ послѣдовало сближеніе между кабинетами с.-петербургскимъ и лондонскимъ, какъ ни были различны ихъ виды по греческому вопросу: Канингъ считалъ необходимымъ признать политическую независимость Греціи, а императоръ Александръ думалъ дать грекамъ такое же управленіе, какимъ пользовались сербы подъ турецкимъ владычествомъ. Нашъ посоль при лон-

донскомъ дворѣ выразилъ, отъ имени государя, желаніе, «что бы Каннингъ взялъ на себя рѣшеніе греческаго вопроса, *такъ какъ Англія была единственная держава, которая могла достигнуть того удовлетворительнымъ образомъ*». Англійскій премьеръ не согласился связывать себя какими-либо условіями съ нашимъ правительствомъ, а предполагалъ приступить къ дѣлу лишь тогда, когда «Австрія и Франція поручатъ Англій дѣйствовать сперва на Россію, а потомъ на воюющія стороны». По собственнымъ словамъ Каннинга, «члены Священнаго Союза объявили ему, что одна Англія могла вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія».

«Такимъ образомъ, Англія, отстранивъ наше правительство отъ подавія помощи грекамъ, заняла мѣсто, принадлежавшее Россіи по единовѣрью съ угнетеннымъ народомъ, и отдала на многіе годы, быть можетъ навсегда, изгнаніе изъ Европы невѣжественныхъ враговъ имени Христова. Отказавшись отъ дѣйствій въ пользу Греціи, императоръ Александръ принесъ невознаградимую жертву Священному Союзу и потерялъ плоды всѣхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ на освобожденіе Европы» (VI, 78).

Какъ глубоко было сочувствіе русскаго народа къ грекамъ бившимся за свою независимость, видно изъ того, что въ самомъ петербургскомъ наводненіи 7 ноября 1824 года онъ видѣлъ «небесную кару за неподаніе Россіей помощи единовѣрнымъ грекамъ». Вообще же причинами неудовольствія, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ въ послѣдніе годы царствованія Александра I, историкъ признаетъ, во-первыхъ, арачьевщину, такъ какъ всесильному временщику приписывали и застой народнаго богатства, и тяжкій трудъ исправленія дорогъ, и новые налоги, и дороговизну первыхъ предметовъ въ жизни; далѣе: лихоимство въ судахъ, казнокрадство по откупамъ, подрядамъ и общественнымъ работамъ; преданіе военному суду и исключенія изъ службы множества офицеровъ, особенно изъ 1-й арміи, главнокомандующему которой, Сакену, императоръ, замѣтивъ ослабленіе дисциплины между офицерами, приказалъ возстановить ее. По дѣламъ внѣшней политики возбуждали неудовольствіе русскіхъ людей: возстановленіе Польши и зловѣщіе слухи о расширеніи ея предѣловъ до Днѣпра и Двины; мнѣніе, будто бы государь предпочитаетъ Польшу Россіи, любитъ иностранцевъ преимущественно передъ русскими и жертвуетъ въ пользу державъ выгодами собственной страны. Между прочимъ, возникло и утвердилось убѣжденіе, будто бы императоръ Александръ отказался отъ французской военной контрибуціи, слѣдовавшей на долю Россіи по трактату 1815 года;

что, однако, было несправедливо: въ отчетахъ министерства финансовъ эта контрабундія показана въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ. Наконецъ, какъ сказано, политическая система, принятая относительно грековъ, противорѣчила чувствамъ русскаго народа (VI, 401—402).

Послѣ бѣдствія, постигшаго Петербургъ въ 1824 году, Александръ сталъ еще болѣе склоннымъ въ уединенію, и, въ промежутки своихъ быстрыхъ пѣздокъ по Россіи, жилъ, болшею частію, въ Царскомъ Селѣ. «Но и тамъ не находилъ онъ спокойствія, сдѣлавшагося крайнимъ предѣломъ его желаній: умиротворивъ Европу, онъ видѣлъ въ собственныхъ владѣніяхъ предвѣстія новыхъ бѣдствій въ волненіяхъ созданныхъ имъ военныхъ поселеній, въ смутахъ восстановленной имъ Польши и въ распространеніи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ потрясти весь государственннй строй Россіи» (VI, 385).

Мрачное настроеніе духа Императора достигло до такой точки, что онъ раскаивался, по видимому, въ тѣхъ либеральныхъ учрежденіяхъ, которыми такъ блистательно ознаменовалъ первые годы своего царствованія. Въ 1821 году, по возвращеніи изъ Лайбаха, генералъ Васильчиковъ (Шаріонъ Васильевичъ), командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ, узнавъ чрезъ одного офицера о заговорѣ между офицерами расположенной въ Твери дивизіи, доложилъ Государю обстоятельства этого дѣла и представилъ полученный имъ списокъ заговорщиковъ. Императоръ взялъ списокъ, положилъ передъ собою, даже не взглянулъ на него и, закрывъ лицо руками, долго сидѣлъ въ молчаніи. Наконецъ онъ сказалъ Васильчикову:

— «Personne mieux que vous, mon cher Wassiltchikow, ne connait le commencement de mon règne, ou par mes actions et mes actes j'ai donné prise à les effervescences des mécontents. C'est donc ma faute et ce n'est donc pas à moi à sevir. Reprenez cette liste, je ne veux pas la voir» (*).

(«Никто лучше васъ, любезный Васильчиковъ, не знаетъ, какъ было начало моего царствованія, когда я моими дѣйствіями и моими узаконеніями подалъ поводъ броженію умовъ между недовольными. Стало быть, это моя вина, и не мнѣ наказывать ихъ.... Возьмите же назадъ этотъ списокъ, я не хочу его видѣть»...)

Масонскимъ ломамъ и тайнымъ обществамъ авторъ посвятилъ двѣ обширныя главы (стр. 404—504). Изложеніе дѣйствій тайныхъ обществъ, съ 1816 по 1825 годъ, основано преимущественно на подлинныхъ дѣлахъ слѣдственной комисіи 1826 года. Здѣсь особенно

(*). Русская Старина, іюнь 1871 года, стр. 791.

Т. LXXXI. Отд. II.

любопытны извлеченія изъ показаній главныхъ дѣятелей, равно и нѣкоторыя біографическія подробности о декабристахъ, игравшихъ болѣе видныя роли.

Въ предисловіи ко второй части (томы V и VI) своего труда, авторъ говоритъ: «Будучи весьма далеко отъ мысли видѣть въ немъ (въ своемъ трудѣ) вполне достойный памятникъ Благословенному Монарху, ласкаю себя только надеждою, что собранные мною факты послужатъ въ пользу болѣе меня искусному художнику». Въ томъ же предисловіи сказано: «Всѣ мои сужденія и выводы основаны на достовѣрныхъ фактахъ, и даже, большею частію, факты говорятъ за себя сами». Следовательно, по собственному сознанію автора, написанная имъ «Исторія царствованія Императора Александра I» есть исторія, по преимуществу, *фактическая*, и какъ бы матеріалъ для будущаго историка—художника. Съ такой точки критика и должна смотрѣть на новый трудъ г. Богдановича и не требовать отъ него больше того, что имѣлъ въ виду самъ авторъ; но критика въ правѣ высказать замѣчанія относительно того метода, котораго держался авторъ при группированіи фактовъ. Успѣхъ каждой науки, въ томъ числѣ и исторіи—и даже, быть можетъ, болѣе нежели всякой другой науки—выражается не столько въ обиліи фактовъ, въ расширеніи *внѣшняго* объема науки, сколько въ самомъ освѣщеніи фактовъ и въ наглядномъ ихъ обобщеніи. Какъ бы ни было велико количество фактовъ, но для исторіи, какъ художественнаго произведенія, этого недостаточно: одинъ вѣрный взглядъ, брошенный на то или на другое событіе, часто лучше объясняетъ его, нежели превозбиліе фактовъ, лучше потому, что вводитъ простоту и ясность тамъ, гдѣ факты только усложняютъ и затемняютъ дѣло. Каждый успѣхъ въ объединеніи и освѣщеніи фактовъ служитъ залогомъ новыхъ успѣховъ науки; масса же фактовъ, неосвѣщенныхъ и необъединенныхъ, смущаетъ неопытныхъ читателей, пугаетъ ихъ мысли, ведетъ ихъ на дорогу ложныхъ и безплодныхъ соображеній. Принявъ строго—хронологическій (лѣтописный) порядокъ повѣствованія, авторъ, подавленный громадою фактовъ, не вездѣ достигалъ ихъ объединенія; поставивъ себѣ задачу включать въ извѣстный, большею частію самый короткій, періодъ времени факты по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной жизни, онъ тѣмъ самымъ увлекъ себя на путь раздробленности, вслѣдствіе чего явились неизбѣжныя повторенія, а иногда и противорѣчія. Читатель, безпрестанно развлекаемый перечисленіемъ самыхъ разнообразныхъ фактовъ, теряетъ

нить соображенія, забываетъ прежде прочитанное и не въ силахъ воспроизвести въ умѣ своемъ единства картины. Всѣ такого рода недостатки легко могутъ быть избѣгнуты при второмъ изданіи: стоитъ только уменьшить число группъ, сосредоточить факты въ меньшихъ предѣлахъ, нисколько не нарушая тѣмъ хронологическаго порядка. Необходимо также переработать, въ литературномъ отношеніи, данныя, почерпнутыя изъ канцелярскихъ документовъ: въ эти данныя слѣдуетъ вдохнуть жизнь, а то они черезъ-чуръ отзываются жертвенностію бюрократіи. Таковы, на примѣръ, выдержки изъ архивовъ министерства финансовъ и перечень административныхъ распоряженій п мѣръ. Ничто такъ не убиваетъ литературнаго произведенія, какъ въявіе холоднаго, безстрастнаго, безжизненнаго духа бюрократизма.

Далекіе отъ мысли льстить автору, мы позволяемъ себѣ сказать по крайнему нашему убѣжденію, что онъ изобразилъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ новѣйшей русской исторіи честно и добросовѣстно: онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, что бы пролить свѣтъ на многія и многія стороны, доселѣ оставшіяся темными, царствованія императора Александра I и на самую личность этого государя. Быть можетъ, иное осталось не вполне выясненнымъ недосказаннымъ; нѣкоторыя сужденія могутъ показаться слышкомъ осторожными или снисходительными; но, и въ этомъ отношеніи, критика не въ правѣ быть притязательною: авторъ, вѣроятно, имѣлъ причины говорить такъ, а не иначе.

Т.